

Олег РЯБОВ*г. Нижний Новгород**рассказ***МЕДВЕДИЦА****МУСЯ**

Иван Савельевич и Мария Степановна были стопроцентно деревенскими жителями. И родились они в Сватове, и жизнь прожили тут, никуда не отлучаясь, и фамилия у них была Сватовы, хотя чуть не половина деревни с такой фамилией ходит. Бывает такое. А вот откуда у деревни такое название — непонятно: то ли посватали кого-то из неё, то ли она была когда-то не Сватово, а Святово, Святое озеро, которое и на карте есть, совсем недалеко от деревни, если по прямой, через лес. Насчёт названий и некоторых больших-то городов ничего не известно, ученые решить не могут по поводу их происхождения, ругаются.

Было и Ивану Савельевичу, и Марии Степановне уже далеко за семьдесят, кто из них старше в этом преклонном по деревенским меркам возрасте — уже не выясняется. Хотя правды ради надо отметить, что была Мария Степановна постарше своего Ивана Савельевича на пару годков и жили они вместе уже почти тридцать лет. Общих детей не нажили, а сыновья от первых их семей (были у них такие) разлетелись по стране, офицерами стали и не появлялись в родной деревне. Телефонный звоночек раз в месяц батьке или мамке — и всё! Правда, небольшую денежку на поддержание ежемесячно присылали.

Жили по старинке натуральным хозяйством: картошка, лук, свёкла, морковь, чеснок свои, да и лес в этих краях всегда накормит. В наших северных районах лес — кормилец: грибов белых насушат, груздей, рыжиков насолят, брусники намочат, клюквы заморозят, малины наварят. Охотники два-три раза за зиму заедут, по привычке у стариков останутся, на полу переночуют, колбаски, тушёнки оставят в благодарность, а то так и лосятинкой или кабанятинкой свежей одарят при удаче охотничьей. А потом и пенсия у всех местных была неплохая по меркам деревенским: совхоз-миллионер когда-то при советской власти здесь был, зарплаты человеческие платил.

В деревне избу содержать одному трудно: всегда есть в доме проблемы и заботы мужские и женские. Часто так сходятся уже взрослые люди, образуя пары, и не для создания новой семьи, а для жизненного удобства, по

необходимости. Иван Савельевич мужик рукастый был, в совхозе механиком служил, и Мария Степановна — хозяйственная, до самой пенсии фельдшерилла, когда-то курсы заканчивала. И знали они друг друга с детства, и симпатии, даже, может, любовные, у них когда-то были. Хорошая из них получилась пара, в деревне только добро о них говаривали.

Скотину они уже не держали — силы не те, да и нужды не было, только с десяток кур для себя бегали по огороду. А крытый скотный двор был теперь завален разным хламом: пустыми коробками, старыми вёдрами, даже два тележных колеса как-то там оказались.

Иван Савельевич нежно звал свою хозяйку Мусей, а та его — Ваней.

Так вот у Муси были свои деревенские секреты.

Ваня-то простой был, словно как городской: поймает сома на пуд и всем рассказывает, что за излуиной реки есть яма, так вот в той яме в этом году сомы завелись. Наедут потом на ту яму с округи за тридцать вёрст рыбаки и ловят сомов. А нормальный деревенский житель не такой. Идёт он навстречу с полной корзиной лисичек, спросишь у него: «Где лисички брал?» Он тебе махнет в другую сторону и скажет: «Вон там, в оврагах, их море!» Пойдёшь, а там, в оврагах, только сучки да мухоморы! Вечером встретишь его на улице — он спросит: «Ну как, набрал лисичек?» Обзовёшь его. А он тебе посочувствует: «Вот и мне посоветовали туда, в овраги, идти, а я не послушал!»

Так вот у Муси были свои деревенские секреты: знала она лучше всех, когда и где клюкву и бруснику брать, когда рыжики пойдут, а когда слой белых будет, и места у неё свои были. Пойдут бабы по клюкву: все по банке трёхлитровой наберут, а Муся — ведро. То же дело и с брусникой. Как-то незаметно-незаметно от баб-то всех Муся оторвётся — и нет её. А через два часа возвращается к своим — у неё уже ведро. А чаще, ещё по молодости, вообще она одна ходила, и мест её никто не знал.

И ведь ничего и никогда Муся не боялась, ни разу за всю жизнь не заблудилась, а места у нас в Поветлужье заповедные: тайга до самого Полярного круга. И зверя никакого Муся не боялась, а у нас в Поветлужье одних медведей

несколько сотен штук по учёту официальному. Юрка, наш егерь, только на своем участке насчитал в том году одиннадцать берлог. А Мусе хоть бы что: сидит с бабами на скамеечке около избы и говорит: «Ни разу не боялась, а сталкивалась и с рысью, и с медведями, и с кабанями. Один раз даже на росомаху наткнулась здоровенную, больше кобеля дворового — и ничего. Боюсь я только встретиться с медведихой, которая с медвежатами».

Так вот ведь напророчила. Пошла она как-то уже в конце августа за рыжиками в сосошник молодой, там сосны-пятилетки росли, молодые ещё, на том же поле, которое ещё при совхозе льном засевали. В траве эти рыжики как золотые кружочки лежат, а кое-где и кустики брусники висят. Резала Муся эти золотые кружочки, резала и не заметила, как почти наткнулась на здоровенную медведицу, которая своего медвежонка выгуливала. Уселась со страху Муся в траву, и медведица уселась — лапой подправляет своего медвежонка, чтобы тот бруснику ел. Муся встала было, и медведица встала на задние лапы — Муся снова со страху села. Потом медведица с медвежонком ушла, а Муся встать не может — ноги отнялись. Так и сидела часа два, потом на четвереньках поползла к дому, а потом уже только встала и побежала. А знаете, как бегают старухи, которым за семьдесят? Вперевалочку.

Рассказала дома Муся всю свою историю Ване — тот только дурой её обозвал.

— А что ты дурой-то меня обзываешь? А что я делать-то должна была?

— Не знаю, — отвечал ей Ваня, — наверно, дома сидеть.

— Вот и я не знаю. А только знаешь, пока мы с этой медведихой смотрели друг на дружку целый час, показалась она мне очень разумной, ну прямо как ты. Она смотрела на меня, как человек, как женщина уставшая, как мамаша. Я даже в какой-то момент её с собой сравнивала и думала, что она — это я! Ваня, а вот почему я родилась не медведихой, а ты — не медведем?

— Не знаю! Только медведи до семидесяти лет не живут, а вот мы с тобой дожили, и уже больше. Неплохо мы с тобой жизнь прожили. В общем, медведем я не хочу.

— А я хочу.

Муся умерла уже под осень. Легко умерла. Ваня утром растапливал русскую печку, когда услышал, как она его позвала.

— Ваня, открой форточку или окно. Что-то душно.

Ваня открыл форточку, пахнуло морозцем. Он подошёл к постели: Муся захрапела, закрыла глаза. Ваня попытался взять её на руки, позвал её:

— Муся!

Муся молчала, у неё вывалился язык.

Хоронили просто, по-деревенски. Оба сына приехали: и Мусин, и Ивана Савельевича.

Сыновья тоже знали друг друга с детства — два подполковника, здоровые, красивые пятидесятилетние мужики. Они приехали на двух служебных уазиках с воинскими номерами, каждый сам за рулем — кто-то в области им подействовал. Гроб привезли из района. Из соседнего села Богоявления, что за три километра от Сватова, пришел батюшка, отец Феофилакт, службу провёл, отпел усопшую прямо в избе и на могиле на деревенском кладбище отслужил. Посидели за столом, собрали его подруги Мусины, выпили самогонки, помянули. Сыновья оставили Ивану Савельевичу денег, съездили в район, подписали какие-то бумаги и уехали через три дня.

И девятый день отметили: Иван Савельевич подсутился, женщины деревенские помогли. И сороковины отметили. Отец Феофилакт приходил оба раза и оба раза служил, и за столом вместе со всеми сидел, и самогонку пил вместе со всеми. После застолья сорокового дня Иван Савельевич раздал всем присутствующим, как положено, расписные хохломские ложки, которых у Муси была какая-то прорва (нравилась она ей), и попросил женщин прийти на следующий день, чтобы разобраться с носильными вещами Муси: что — раздать, а что — выкинуть.

И началась у Ивана Савельевича жизнь непонятная: он раньше-то прекрасно всё знал — что надо сейчас сделать, а что потом, и не надо было его подгонять. Просто раньше, пока хозяйкой была его Муся, он ждал этого напоминания, толчка, и только после этого принимался за работу. А теперь он не был уверен в

принятии самых простых решений: что надо сделать и в какой последовательности, что срочно, а что подождёт. Пропал куда-то стержень уверенности, на котором строится смысл жизни мужской. Хорошо, что картошку выкопал в августе ещё при Мусе: она велела. А вот свёклу и морковь забыл за горем и тоской, которая наваливалась на него теперь часто и внезапно. Понимал он совершенно отчётливо и рассудочно, что глупеет попросту: вот три дня подряд думал, а нужны ли ему теперь будут морковь и свёкла, которые он пока что не выкопал, и не очень уверен был, что будет их копать. Три дня думал, прежде чем выкопал, выложил рядами на солнце. Прохладное октябрьское солнце не грело, но просушить корни морковные и свекольные надо — это оно ещё могло.

Наутро, затопив печь, Иван Савельевич через двор вышел на участок, где располагался огород, и с удивлением обнаружил, что ночью его усадьбу кое-кто навещил. Медведь! Крупный медведь, что было видно по отпечаткам лап, а в особенности глубоких борозд от огромных когтей, которые косолапый оставил на сырой земле. Эти борозды и впечатляли, и ужасали: медведь выходит к людям в деревню, только если он болен или если он задумал что-то нехорошее. Это нехорошее медведь уже сделал: сожрал ровно половину разложенной для просушки моркови.

Первой мыслью Ивана Савельевича было — и это, естественно, правильно — сообщить егерю Юрке, который в соседнем селе жил, о том, что медведь посетил деревню и сожрал приличный запас моркови. И тут что-то тормознуло Ивана Савельевича. Спустя некоторое время он даже не смог себе объяснить, что же его тогда остановило — просто тормознуло. Себе он рационально объяснил, оправдываясь, что не хотелось видеть у себя в доме егеря Юрку, который будет просить налить самогонки, а потом, может, ещё и стрелять в медведя будет, если тот заявит к нему на огород снова. Но на самом деле — и в этом Иван Савельевич себе не мог признаться — вспомнил он, как его Муся говаривала, что хочет стать медведем или, точнее, медведихой.

На следующий день история повторилась:

медведь сожрал на этот раз половину разложенной для просушки свёклы. Причём сожрал он именно половину, с математической точностью, хоть линейку приложи — так ровно эта половина была отмерена. Было раннее осеннее утро, пасмурно, Иван Савельевич стоял над остатками своей свёклы в раздумьях. И что-то кольнуло его: он поднял голову. Смутно почудилось ему за сломанной изгородью участка, за луговиной, которую он когда-то ежегодно косил, заготавливая своей скотине сено на зиму, а теперь за ненадобностью позволяет косить соседу, будто стоит там в предзвездных сумерках вполоборота от себя большой медведь. За сто, а может, и больше, чем за сто метров, стоял медведь и смотрел на Ивана Савельевича; тут он мог поклясться, что они с этим медведем встретились взглядами и не отрываясь смотрели друг на друга. И снова Ивана Савельевича что-то кольнуло, на этот раз — мысль, что этот медведь — та самая медведиха, о которой говорила когда-то его Муся.

К отцу Феофилакт в Богоявление Иван Савельевич собрался быстро. Больше и не у кого было просить совета, если задуматься, а посоветоваться хотелось. Бутылку самогонки, настоянной на малине, собираясь в гости, извлек он из Мусиных запасов. Сам он самогонку не гнал и не пивал, но Муся любила настаивать на разных ягодах и травах исключительные напитки и при случае угощать кого надо, а потому у неё были свои поставщики этого деревенского варева. Оделся Иван Савельевич потеплее — зима вот-вот должна была объявиться по всем приметам. Ну и, что важно, повезло: отец Феофилакт был дома с женой, с детьми и в цивильной домашней одежде.

Батюшка сразу определил, что у его раннего посетителя что-то не складывается в жизни, да и по рассказам деревенских прихожан он уже знал о непростом душевном состоянии Ивана Савельевича. Уселись на кухне. Матушка загнала детей — а их у отца Феофилакта было трое — в дальнюю комнату, сама отправилась куда-то якобы по делам. Разговор долго не клеился, виляя вокруг да около, несмотря на то что вино было пригублено. В конце концов отец Феофилакт напрямую спросил:

— Давай, сын мой Иван, а проще — Иван Савельевич, не крути. Говори, спрашивай, а то напьёмся мы, а дело не сделаем. Бутылку-то и я ведь смогу выставить.

— Ты ответь мне, батюшка... Вот у нас, у православных, есть вечная жизнь загробная, и у индусов или у буддистов тоже есть вечная жизнь, но в виде реинкарнации. То есть у них души людей переселяются в животных или в деревья, или ещё в кого-то там. Так я говорю? Правильно излагаю?

— Правильно, только ведь всё зависит от прижизненной веры твоей и от силы веры твоей. Вот ты православный, и православие сильно общиной своей, и жизнь вечная тебе дана будет по тому, как ты жизнь свою прожил. Смотри: твоя Муся умерла, и все вместе мы похоронили её, и помянули все вместе, и на девятый день все вместе были, и на сороковой. Мы, православные, сильны общиной — тем, что мы вместе. А вот у католиков во главе угла человек, личность человеческая. А вот мусульманин попадает в рай, если он за свою веру в бою погибнет. А реинкарнация в буддизме происходит всегда. А что тебя это так взволновало?

— А могла моя Муся, точнее, душа её, переселиться в медведя?

— Нет, конечно, — она же буддизм при жизни не исповедовала. Сорок дней прошло, и твоя Муся в раю. Успокойся, давай теперь спокойно выпьем, точнее, помянем её не чокаясь.

Когда назад возвращался Иван Савельевич, сильный снег пошёл и похолодало, а снег так прямо не простыми хлопьями сыпал, а вьюгой настоящей заметал — такой, что и дорогу-то не видно местами было. Не успокоил Ивана Савельевича разговор с батюшкой Феофилактом, а ещё больше разнуртил. Да и надо было сначала свёклу с морковью в подпол занести, а потом уже по гостям ходить и вино пить.

Домой пришёл затемно. В избе холодно было, нетоплено — пришлось печку затеплить. Но и, пока слушал он огонь в печке гудящий и к языкам пламени присматривался, не проходила тревога. Снова вышел через двор на участок свой: на огороде стояла медведица и смотрела на Ивана Савельевича — теперь-то он

знал, что эта медведица — та самая медведиха. Послышалось, что ли, ему: не рывкнула медведиха, не завыла, а тихо-тихо пробормотала:

— Ваня!

— Подожди, — ответил вполголоса.

Он зашел в избу, надел ватник, валенки, шапку и пошёл в огород. Медведихи не было. Иван Савельевич перелез через поваленную ограду и пошёл по её следам, иногда ему казалось, что большой силуэт медведихи мелькает впереди, и он воодушевлялся. Иногда мелькала мысль: а куда он идёт и зачем?! Но он эту мысль сразу же отбрасывал, потому что казалось, что такие сомнения и раздумья могут поломать что-то, открывшееся ему только сейчас, и это открывшееся только ему и предназначается, а все сомнения могут уничтожить начисто новую истину.

Снег валил и валил. В лесу Иван Савельевич уже с трудом разбирал следы и просто шёл в надежде, что медведиха-то и ведёт его куда надо. В конце концов он устал перелезать через поваленные деревья и проваливаться в какие-то ухабы. У большой ямы, образовавшейся под комлем лежащей большой сосны, он остановился. «Раз я тут остановился, то, значит, и должен тут остановиться», — решил про себя, забираясь в яму. Неожиданно пришла мысль, что эта нора — старая берлога какого-то медведя, а может, и медведихи, раз она сюда привела. Очень быстро Иван Савельевич крепко уснул.

Нашли Ивана Савельевича случайно грибки уже на следующий год летом в пяти километрах от Сватова. Лисы и россомахи изрядно погрызли труп, но одежда и время гибели — всё говорило о «потеряшке» Иване Савельевиче. Похоронили его по православному обряду, и отец Феофилакт в своей молитве за упокой упомянул о скорбящей душе Ивана Савельевича, нашедшей своё место на том свете.

СИВКА И БУРКА

рассказ

Что только кажется, что все умные русские люди в глухих деревнях родились, а потом в город переехали, — среди городских такие тоже встречаются. Вон Сергей Сергеевич Кругликов из двадцатого дома всё наоборот сделал. Здесь, в городе, родился, всю жизнь настоящим большим спортом занимался, а после, пока его не выгнали отовсюду, он ещё и в школе успел простым учителем физкультуры из любопытства простого недолго поработать. Потом уже купил он себе домик в деревне и уехал туда жить. А что? Ему при его особой олимпийской пенсии на всё хватает. Он всё же настоящим олимпийским чемпионом по лыжным гонкам был, специалисты помнили про то.

К тому же город почти всегда приучает человека к рациональной и законопослушной жизни при объективном течении времени, а в деревне и чудеса, и неожиданные превращения куда чаще случаются, события всяческие неприятные тихо незаметно и начисто забываются.

Как-то раз к Сергею Сергеевичу в деревню чересчур расторопный журналист Коля Боровков приехал, пообщался недолго с чемпионом, а потом в газете про него написал. А написал он про то, как у учителя физкультуры Кругликова после лыжного контрольного забега школьников-десятиклассников на пять километров результаты у половины участников были такие замечательные, что им всем лежал прямой путь в олимпийскую сборную. Сергей Сергеевич просто пожалел тогда своих подопечных учеников и отмерил на глазок дистанцию почти в два раза меньше положенного, чтобы не мёрзли ребяташки на тридцатиградусном морозе. Стоял он честно на финише с секундомером в руке и честно всем время отщелкивал, а потом результаты в департамент образования и сдал. Только в городском департаменте образования, куда результаты попали, тоже в спорте немного разбирались, и разгля-

дели чиновники в результатах зачетных соревнований прямое жульничество.

Так Коля Боровков как бы облил помоями олимпийского ветерана, опубликовав всю эту неприличную правду в солидной областной газете. Только Сергея Сергеевича мало печалила эта опубликованная правда. Он в своей богоспасаемой деревне Благовещенье на весь район гнал самогонку на своем самогонном аппарате из красной меди, присланном ему друзьями из Испании, настаивал его на еловых почках, готовил наливки для женского пола из клюквы, брусники и морошки. А по вечерам резал из липы фигурки олимпийских Мишек и ушастых Чебурашек, которых деревенские хозяйки удачно возили на рынок. Липу и осину сушить, а когда надо, и в родниковой воде замачивать, его местные умельцы научили. Не денег ради резал он эти игрушки, а для собственной радости.

Жизненный опыт у Сергея Сергеевича был такой богатый, что очень скоро стал он как бы здешним деревенским «гуру», то есть учителем: а что, если он не только с разными умными людьми всю жизнь общался, но ещё и во многих странах за границей побывал. Приходили местные к нему советовать по любому поводу — посоветуются-посоветуются и уходят довольные с бутылочкой собственноручно Сергеевичем изготовленного продукта.

А потом странные вещи и чудеса вокруг него стали твориться. Сергей Сергеевич чудес этих долгое время не очень-то понимал и даже сам стал побаиваться своего открывшегося качества — правда, виду не подавал, храбрился. Хотя все неожиданности легко объяснялись — по крайней мере, сам он для себя всё в конце концов решил. Когда-то в его доме, ещё задолго до того, как Сергей Сергеевич его купил, жила местная травница — старуха, которая всяческие народные снадобья готовила, а, как известно, они, эти травницы, заговорами искусными владеют и заговорить могут не только траву, но и место какое-нибудь, например, дом. Вот в дому-то у Сергея Сергеевича чудеса всякие изредка и случались.

В основном чудеса эти заключались в том, что у потребителей его продуктов (имеется в виду самогонка) случались отключения па-

мяти: у кого — на пару часов, у кого — на день, а у кого — и на всю жизнь. Такая беда приключилась и с тем журналистом Боровковым, который гадость про Сергея Сергеевича в газете написал. (Нет, там, в статье его, никакого вранья не было, но и не надо смаковать такие вещи попусту.) Так вот в памяти у Боровкова стали после того визита провалы образовываться, а иногда и откровения непонятные в сознании возникать, причем в состоянии совершенно трезвом, что его пугало, естественно.

Вольно или невольно, но тесные профессиональные и товарищеские связи для обоюдной пользы возникают почти во всех видах человеческой деятельности, а уж журналистика, которая держится на фактах и слухах, не может без такого взаимного человеческого общения вообще обойтись. Понятное дело, что Илья Криворотов, спортивный комментатор и спортивный репортер номер один в городе, который помнил, а когда-то и тесно общался с Сергеем Сергеевичем, быстро разыскал Колю Боровкова и дотошно расспросил его о житье-бытье бывшего олимпийского чемпиона. Выяснил он тогда, что главное, ради чего Боровков ездил к олимпийскому чемпиону, в его репортаже не отразилось и теперь уже никогда и не отразится. А этим главным была волшебная самогонка, которую изготавливал Сергей Сергеевич и которую сам Боровков и видел, и пробовал.

— Илья, — окликнул Боровков Криворотова, когда тот уже выходил из редакции, — называются у него эти напитки «Сивка», «Бурка» и «Каурка». Запомни!

— Хорошо, что сказал, — отозвался Илья.

Этот любопытный факт ещё больше озаботил и мотивировал Криворотова; он спешно разыскал Мишу Жмуркина, своего товарища по перу и «топору» (так они с молодости называли стакан), тоже известного и практикующего журналиста, репортёра с областного радио. Миша быстро откликнулся, выторговав у друга полчаса, чтобы переодеть рубашку и повязать другой — весёлый — галстук. В тот же день, не откладывая мероприятие в долгий ящик, они отправились в деревню к Сергею Сергеевичу Кругликову.

Все знают, как спонтанно происходят такие загадочные совсем не профессиональные журналистские вояжи, похожие на соревнования по спортивному ориентированию: иди туда — не знаю куда, получи то — не знаю что.

Приехали друзья в деревню Благовещенье, зашли в единственное в посёлке присутственное место — продовольственный ларёк «Добро», купили бутылку водки и пакет детских пряников, показали продавщице Зое свои журналистские удостоверения и выяснили всё, что им хотелось узнать. Узнали они, что Сергей Сергеевич — очень уважаемый человек в округе. Водку он не пьёт, а очень любит всех угощать, но лучше новичкам без привычки особой и даже уверенности в необходимости этого напитки его не пробовать, а свою водку пить.

Сергей Сергеевич на задах большого участка, около полуразвалившейся черной баньки, которой по назначению сто лет уже никто не пользовался, сидел, скрючившись на скамеечке, и резал из белоснежных чурбачков липы какие-то заготовки для будущих своих поделок. Друзья между лопухов и крапивы, пригибаясь под раскидистыми ветвями старых цветущих яблонь, прошли по тропинке к сидящему хозяину, а тот, издали заметив их, уже встал и, широко улыбаясь, приветствовал.

— Илья, что же ты забыл меня? Я тебя жду-пожду, а тебя всё нет. Приезжал вместо тебя какой-то мелкий пакостник. Пойдем в избу.

— Сергеич, ты не прав. Удалился ты сюда почти секретным образом и никому не доложил, а обязан был, как олимпийский чемпион. А во-вторых, только благодаря этому твоему пакостнику мы и узнали, где ты обретаешься, и — сразу к тебе. И вот ещё познакомься — мой друг Михаил Жмуркин, тоже журналист, только с радио, и тоже, как и все мы, пакостник, только, наверно, уже крупный.

В избе пахло деревом старого деревенского дома, печкой и сухими луговыми травами — незнакомый и специфический тёплый набор. Сидели за столом большим, кондовым, из плотной доски-шестидесятки, такой стол с места легко не сдвинешь.

— Чего будете пить, гости дорогие, — чай или кофе? А может, моей домашней попробуете?

— Сергеич, мы про твою домашнюю слышали, а потому с собой и захватили простенькую магазинную.

— Ну, это вы напрасно. Я ведь умею различать гостей, знаю, кому что можно и кому что нужно. Знаю я, знаю! Простенькую магазинную у Зои брали? Вижу по пряникам. Она вам подсказала, что я её не пользую? Сказала. А что же вы тогда не пробуете сами её? Ради приличия принесли?

— Ради приличия, ради приличия! Ну, так давай чаю своего, местного. Ты ведь, наверно, и в этих напитках толк знаешь? Травяной какой-нибудь?

— Знаю, знаю я толк.

— А мне — кофе, если можно, — заметил Жмуркин.

— Вечно ты, Миша, влезешь со своими капризами, — процедил Криворотов.

— Ну почему же — с капризами? Человек честно признается в своих пожеланиях, а не идёт на поводу у присутствующих. Так ведь, Михаил?

— Конечно, так.

— Хотя лукавишь ты, Михаил. Хочется тебе моей попробовать. Ну, да ладно, сначала чай и кофе.

На столе быстро образовались большие бокалы, банка растворимого кофе, круглый цветастый заварной чайник, мёд и вчерашние чуть зачерствелые лепёшки. Разговор вели в основном Сергей Сергеевич и Криворотов, вспоминали старые годы, местных спортивных героев прошлых лет — Татьяну Аверину, Галину Быстрову, Гарика Напалкова. Было тепло и уютно.

И вдруг Жмуркин неожиданно встрепенулся и спросил:

— А может, я всё же попробую вашей, Сергей Сергеевич?

— Да, конечно. А то я всё жду-пожду, когда же вы к главному вопросу перейдёте. Вам, Михаил, чего на закусочку? Мясца вяленого или прошлогодних рыжиков солёных?

— Если можно, рыжиков хотелось бы попробовать, а то я вообще не помню, когда ими угощался.

— Сейчас всё будет.

На столе появились бутылка с розовой жидкостью, три объёмистых рюмки и тарелка с солёными грибами, политыми ароматным подсолнечным маслом и посыпанными красным репчатым луком.

— Сергеич, — обратился тут к хозяину Криворотов, — а скажи на милость, раз уж мы и к этой стадии нашей встречи постепенным и естественным образом перешли, вот этот напиток, который ты на стол выставил, это «Сивка» или «Бурка»?

— Нет, это у меня для дорогих гостей, «Розовая» называется. А откуда ты про «Сивку» и «Бурку» слышал?

— Так это мне твой мелкий пакостник рассказал.

— Ах, он негодяй! Так вот почему он решил мне отомстить — напечатал эту гадость. Ну да бог с ним. Этот твой приятель-журналист, который у меня тут в гостях был... Он как снег на голову свалился и сразу стал наседать даже на меня. И что я олимпийский чемпион по самогоноварению, и что я на продажу гоню, и как я умудряюсь с местными властями это улаживать, и что у меня с ментами — «вась-вась». В общем, неприятный разговор, а про школьные соревнования те он просто между делом спросил, а я и рассказал, что ничего особенного там не было — обычная школьная практика. А про самогонку я ему сказал, что налью сейчас такой, что он весь наш разговор сразу и позабудет.

— В смысле? — не понял Криворотов.

— А в том смысле, — стал растолковывать Сергей Сергеевич, — что существуют разные способы очистки и настойки на разных травах этого напитка: можно изготовить его таким образом, что выпивохи (назову их так) после приема определённой дозы могут позабыть всё! А может кое-кто позабыть дорогу к дому. Вот слышал про Агасфера, старого-престарого еврея, который не может найти дорогу к своему дому уже тысячу лет? Так вот он, по моему представлению, выпил изрядную долю «Сивки». А «Бурка» отбирает память: у кого-то — насовсем, а у кого-то — избирательно. То есть, если я правильно буду угощать гостя, он может позабыть не всё, а только то, что нужно —

например, то, что случилось вчера, или, наоборот, в прошлом месяце. Сумею я так сделать. Вон видишь: на стеллаже рядом с книгами две глиняные бутылки — серая и коричневая, это «Сивка» и «Бурка». Я здесь за последние пять лет столько экспериментов провел, что ни один академический институт не сумеет столько провести. Знаешь, сколько у меня пациентов желающих? В очередь стоят, и отбоя нет. Вот я и нашел такие ингредиенты, если по-научному всё это называть.

— А как же ты их искал? — спросил Криворотов.

— Экспериментально. Вот ты слышал, что старухи своё добро самогонное на дубовой коре настаивают? Так у человека после приёма такого напитка сразу ноги отнимаются и он идти не может. А вот если ту же дубовую кору в болотной воде, где много метана (его ещё веселящим газом зовут), выдержать, там образуются какие-то специальные алкалоиды. Если эту кору потом для настоя использовать, то эффект получается совсем другой. Только что я рассказываю? Это мои секреты, и они тебе не нужны.

— А при чем же тут сказка русская про Сивку-Бурку, вешего Каурку?

— Не знаю, при чем тут сказка, — признался хозяин. — Сивый — это цвет такой, бурый — тоже.

— А каурый? — напомнил Криворотов.

— Каурый — это тоже масть такая лошадиная, рыжая, — ответил Сергей Сергеевич.

— А я думал, что люди, которые твоей самогонки выпьют, улетают, как на том сказочном коне, далеко-далеко. Ну, так я про твои эксперименты: у тебя есть этот третий напиток «Каурка»? — не унимался с расспросами гость.

— Нет ещё. То есть имеется, но я ещё не прошёл все стадии эксперимента.

— В смысле?

— А в том смысле, что это божественный будет напиток. В смысле он уже есть, но только я боюсь им пользоваться.

— Что это? — загорелся Криворотов.

— А то, что после «Каурки» у меня тут два человека самоубийством покончили, — на полном серьёзе ответил Сергей Сергеевич. — После «Каурки» это получилось или на руду у них

было так написано — не знаю. От «Каурки» возникают в голове пациента (его пока что можно так называть) галлюцинации, видения и какие-то ассоциации, которые явственно прогнозируют и предсказывают будущее человека. Он узнает то, что с ним будет завтра или через месяц, или через год, — в общем, то, чего не следует знать.

— Так, значит, вещая она, твоя «Каурка», если про будущее можно узнать? А почему же нельзя ей пользоваться-то?

— Вещая-вещая! А потому и нельзя, потому что человек, который знает, что с ним произойдёт, теряет смысл жизни, он перестает бороться, стремиться, мечтать. А человек, не имеющий мечты, жалок. Это смерть, старик. Ну так что, по рюмочке «Розовой» давайте? — предложил Сергей Сергеевич гостям. — И я с вами за компанию. Не бойтесь, сами оцените, каким должен быть этот божественный напиток — тепло будет. Я вам, как тому пакостнику, не дам «Сивки» или «Бурки» — на это надо настрой определённый иметь.

— Сергеич, я бы ещё чайку твоего на травах выпил, — ответил Криворотов. — А потом мы с Михаилом магазинной, что у Зои взяли, там во дворе у тебя попользуем и травкой закусим. А ты как, Миш?

— Я тоже думаю, что так разумнее будет, — ответил чуть-чуть очумевший Жмуркин.

Но, конечно, ничего из запланированного у друзей-журналистов не получилось, потому что после Зоиной магазинной хорошо прошла и бутылочка «Розовой», а потом и «Сивки» знаменитой пригубили. Не знаю уж, сколько пригубили, но то, что они никогда уже больше ни при каких обстоятельствах не вспоминали о том, что бывали в гостях у Сергея Сергеевича, это точно. А откуда я всю эту историю знаю? Так я задолго до визита друзей навещал олимпийского чемпиона — бывал у него и «Каурку» его знаменитую пробовал. Потому я знаю про многие такие вещи, о которых так просто и не расскажешь.

□

Олег Алексеевич РЯБОВ

родился в 1948 г. в Горьком.

Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер».

Поэт, прозаик. Публикуется с 1968 года.

Автор девятнадцати книг.

Печатался в журналах «Север», «Наш современник», «Юность», «Нева», «Нижний Новгород», «Всерусский собор», «Молодая гвардия» и др.

Лауреат ряда литературных премий:

«Нижний Новгород» в области литературы (трижды),

им. В. Шукшина «Светлые души» (Вологда),

им. Б. Корнилова (Нижний Новгород), «Болдинской премии».

Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

С 2002 года член Союза писателей России.

Живет в Нижнем Новгороде.

